

ББК 81.1
УДК 81'322; 004.934; 004.912

А. Ю. Мордовин
г. Иркутск, Россия

Роль бессознательного и интуиции в лингвистическом анализе в рамках корпусного подхода

Статья представляет собой методологическое противопоставление лингвистических методов анализа текстов, основанных на корпусном подходе, и традиционного толкования. При наблюдаемой общности стремления восстановить скрытые смыслы текстов, корпусные методы анализа текста, такие как контент-анализ, противопоставляются традиционным. Описаны причины неполной методологической свободы корпусных методов от классической филологической реконструкции.

Ключевые слова: корпус текстов, корпусная лингвистика, контент-анализ, подсознательное, интуиция.

A. Yu. Mordovin
Irkutsk, Russia

The Role of the Unconscious and Intuition in Corpus Approach-based Linguistic Analysis

The article presents a methodological opposition of linguistic text analysis methods based on a corpus approach versus traditional text interpretation. Despite the shared attempts to reveal the hidden meanings within the text, corpus-based methods, such as content-analysis, are principally set against the traditional methods of text analysis. The paper describes the causes determining inability of corpus-based methods to escape completely the methodology of classic philological reconstruction.

Keywords: text corpus, corpus linguistics, content-analysis, subconscious, intuition.

Являясь сравнительно молодым явлением, компьютерные корпуса текстов практически мгновенно, по меркам хронологии развития научной методологии, обеспечили лингвисту-аналитику возможность одновременно иметь доступ к огромному числу порождённых текстов. Тем самым был открыт не только новый способ анализа текстов и различных аспектов языка на их основе, и не только способ количественно ускорить уже существовавшие методы анализа текста, но родилась качественно новая прагматика отношений человека и языка.

В лице корпуса текстов, охотно воспринимаемого в качестве условно-конечной модели языка, отражающей все существенные характеристики последнего, исследователь впервые смог соприкоснуться со всем языком сразу, здесь и сейчас. По мере того, как непрерывно снимаются все новые ограничения на размер корпуса текстов, дискуссия по поводу того, какие тексты стоит или не стоит включать в корпуса, иссякнет сама собой.

Появление абсолютно нового объекта для лингвистического исследования сопровождается возникновением ряда ранее неизученных аспектов исследования языка. Так, уже сейчас интереснейшей методологической задачей выступает исследование доводов в поддержку или в опровержение того, следует ли в определённый момент времени ожидать начала повторения текстов (точнее, конечно, их сегментов) в бесконеч-

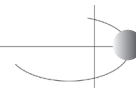
но большом корпусе. Иначе говоря, усомниться в бесконечности языка.

С одной стороны, трудно сколько-либо последовательно обосновать конечность языка, если не отойти от позиции Н. Хомского, когда язык – это инструмент, способный по определённым правилам выразить любое сочетание смыслов; тогда как смыслы можно считать бесконечными, да и проблема эта выходит за рамки языкознания.

С другой стороны, в конечность языка слишком уж легко поверить в классическом структурном подходе, правда, не выходя за пределы синтаксиса, а лучше – морфологии. При этом в рамках генеративной лингвистики, фактически существующие тексты – это ограничение, наложенное на бесконечный потенциал системы, своеобразный «человеческий фактор». В структурном подходе – фактическое разнообразие текстов (речь) – это вся совокупность сочетаний смыслов, разрешённая структурными правилами языковой системы.

Из фактически признанного в про-корпусном подходе к исследованию языка положения об условной конечности языка вытекает еще одно интересное методологическое новшество.

Первый, «поверхностный» слой корпусов, несомненно, пригоден для исследования смыслов. Однако новая прагматика отношений исследователя и корпуса открывает путь для анализа их до-сознательного взаимодействия. В действитель-

ности, на пределе своего развития корпус текстов предстает в качестве ранее недоступного способа анализа бессознательного в тексте. Именно это свойство и предлагается рассмотреть в данной статье.

Для его понимания потребуется пояснить методологический фон, на котором оно возникло. Первые попытки «механизированного» поиска скрытых смыслов следует связать даже не с корпусной лингвистикой и с корпусами текстов в целом, а с более ранним методом контент-анализа (систематическая числовая обработка, оценка и интерпретация формы и содержания информационного источника), начавшим оформляться уже в конце XIX в. Это направление возникло исключительно как прикладная методика и гораздо более ассоциировалось с политологией, чем с наукой о языке. Более чем за полвека до появления компьютерных корпусов, оно стала одним из ближайших прообразов корпусного подхода к исследованию языка, и было вполне созвучно методологии дескриптивизма.

Контент-анализ предполагает, что «исследователь сможет не просто упорядочить свои ощущения и сделать свои выводы более обоснованными, но даже узнать из текста больше, чем хотел сказать его автор, ибо, скажем, настойчивое повторение в тексте каких-то тем или употребление каких-то характерных формальных элементов или конструкций может не осознаваться автором, но обнаруживается и определённым образом интерпретируется исследователем» [1].

При этом отмечается, что «реально главной отличительной чертой контент-анализа является не его декларируемая во многих определениях «систематичность» и «объективность» (эти черты присущи и другим методам анализа текстов), а его квантитативный характер» [1].

Приведённое определение вообще заставляет усомниться в целесообразности каких-либо иных способов анализа текста, кроме контент-анализа. Действительно, что ещё может потребоваться в дополнение к обоснованности, систематичности и объективности исследования текста. А если оно носит квантитативный характер, да ещё и позволяет обнаружить неосознаваемые автором скрытые смыслы, то значение метода просто трудно переоценить. Не заменяет ли собой указанный метод традиционный филологический анализ текста, основанный на принципах герменевтического толкования, так сказать «ручного» поиска тех самых скрытых смыслов, если их можно просто просчитать? Стоит отметить, что если не заменяет, то, как минимум, противопоставляется последнему.

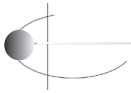
Прежде, чем перейти к хорошо забытому обоснованию привлекательности нового метода, следует пояснить, каким образом метод контент-анализа связан с корпусами текстов и исследованиям на их основе. Эти отношения можно назвать

экспоненциальными. В то время как в рамках контент-анализа ставится задача исследования смысловых характеристик отдельного взятого текста или группы текстов (совсем необязательно одного автора), в том числе для обнаружения скрытых смыслов, то ничто не препятствует масштабировать эту же методологическую задачу до уровня национального корпуса, и заняться поиском уже общенациональных смысловых атрибутов и скрытых смыслов. Задачи исследования менталитетов на основе соответственных текстов ставятся и решаются уже достаточно давно, не пора ли масштабировать ранг таких исследований?

К примеру, в Корпусе современного американского английского языка (*Corpus of Contemporary American English*), слово *fight* встречается в сочетании со словом *freedom* в три раза чаще, чем в сочетании со словом *democracy*. Означает ли это, что американский менталитет подсознательно ставит ценность борьбы за свободу выше, чем борьбы за демократию? Для того чтобы усомниться в этом предположении, достаточно ознакомиться с дайджестом внешней политики США за последние несколько месяцев.

И, тем не менее, притягательность и респектабельность «квантитативных» про-корпусных методов, таких как контент-анализ, растёт, а сами результаты ценятся выше субъективного филологического анализа текстов. Почему потребитель сочтёт гораздо более убедительными выводы, основанные на количественной оценке? Почему окажется готов «подрезать» массив исследуемых текстов для удобства контент-аналитика? В чём зиждется вера в то, что частотность определенных словоупотреблений – гораздо более надёжный параметр анализа, чем доступный любому здравомыслящему человеку герменевтический поиск скрытого смысла?

Для того, чтобы разобраться в методологической картине происходящего, целесообразно обратиться к понятию бессознательного, и указать на его первостепенную роль в «ручном» анализе текстов. А. А. Леонтьев в статье «Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности» [3, с. 92] следующим образом описывает параллели между техникой анализа сознания, описанной З. Фрейдом, и анализом текста, правда, применимо к проблеме интертекстуальности. Во-первых, сознание сопротивляется психоанализу, и текст сопротивляется филологическому анализу вплоть до отрицания его принципиальной возможности. Во-вторых, скрытый текст художественного произведения аналогичен скрытой в бессознательном травматической ситуации. Методологический прототип психоаналитического «излечения» в данном случае – это обнаружение некоего единого уникального смысла, а процедура «лечения» заключается в превращении бессознательного художественного дискурса в осознанный художе-

ственный дискурс, как для самого филолога, так и для всех остальных. Тем не менее, процесс анализа протекает методом проб и ошибок, а анализ текста как осознание его бессознательного компонента не проливает свет на природу интертекстуальности.

Иначе говоря, как бы удачно и убедительно не удалось восстановить скрытый смысл текста, его «черновик», не предназначенный для чтения никем, кроме автора, который тоже, в случае с художественным текстом, как правило, не осознаёт этот смысл, это открытие носит значение частного, не тиражируется на другие тексты, и применимо в анализе других текстов лишь в той степени, в которой они окажутся похожими на уже проанализированный.

В нашей концепции такой подход можно назвать органическим, до-корпусным. Напомним, его ценность в современном контексте не отвергается, но такой анализ слишком «штучный». Реальность требует методов «массового производства» в области анализа содержания текстов, способных извлечь их бессознательную составляющую. По сути, время требует ответить на вопрос: можно ли извлечь скрытый смысл текстов путем такого анализа их осязаемой формы, который максимально исключает герменевтическую составляющую?

Ближе к ответу на него позволяет подойти понятие коллективного бессознательного, предложенное К. Г. Юнгом. В отличие от индивидуального подсознательного у Фрейда, восстанавливать которое из текстов периодически можно и нужно, коллективное бессознательное Юнга вызывает гораздо меньше подозрений именно потому, что лишено недостатка потенциальной подвижности в виде вытеснения/не-вытеснения. Коллективное бессознательное – это не совокупность врожденных представлений, а комплекс врожденных возможностей, существующих в структуре личности каждого человека, т. е. архетипов. Архетипы несут в себе общечеловеческие, изначальные образы и мотивы, бессознательно пробуждаются в языковом творчестве (художественном и не только) под влиянием благоприятных или неблагоприятных обстоятельств исторической эпохи. Формы, которые принимают архетипы в поле определенных текстов, соответствуют современным историко-культурным условиям.

Коллективное бессознательное представляет собой объективно-психическое явление, в отличие от субъективно-психического индивидуального бессознательного [2]. Архетип более надежен и предсказуем, чем индивидуальные языковые идиосинкразии травматического характера. Сила убедительности сокрыта в инвариантности, воспроизводимости архетипа. Кроме того, прагматическая ценность обнаруженного архетипа несравненно выше, чем излеченного травматического переживания.

В свете признания существования коллективного бессознательного наравне с индивидуальным бессознательным удаётся обосновать методику контент-анализа и пролить свет на убедительность про-корпусного подхода в целом. На бытовом уровне, мнение о неизбежной манифестации доминирующего архетипа на индивидуальном уровне выражается в соответственных поговорках: ср. русский: «кто о чем, а вшивый о бане», «у кого что болит, тот о том и говорит»; англ.: «*what the heart thinks the tongue speaks*», фр.: «*Dieu vous garde d'un homme qui n'a qu'une affaire*» и т. д.

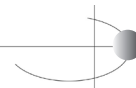
Соответственно, если архетипам суждено пробудиться под действием благоприятных социокультурных обстоятельств, то они проявятся в языковом творчестве у большого числа людей, независимо от желания последних. Остаётся лишь рассчитать их количественными методами, ведь сомнениями в том, будут ли они выгодно отличаться от подсознательных идиосинкразий в количественном плане, можно пренебречь на фоне громадного размера корпуса текстов.

Грубо говоря, это – и есть та причина, по которой прототипический компетентный носитель языка склонен отказать себе или другому носителю в элементарном здравом смысле и языковой интуиции, готовых подсказать скрытый смысл услышанного/прочитанного текста. Человек, в данном случае, опасается, сможет ли он выявить скрытый смысл текста, заключённый между Сциллой и Харибдой филологического анализа: влиянием индивидуального подсознательного автора текста, с одной стороны, и интерпретатора – с другой. Прототипический интерпретатор не верит ни себе, ни другим: ср. поговорку «по себе людей не судят».

Невольно всплывает цитата-лейтмотив ставшего недавно популярным в России сериала «Доктор Хауз»: «Врут все». Можно утверждать, что значительная доля его популярности связана именно со способностью главного героя доказать архетипическую склонность человека к беспричинной лжи в медицинских вопросах. Не случайно в своей теории К. Г. Юнг утверждал, что уникальная способность архетипа заключается в его неизменной узнаваемости при всем разнообразии преобразований.

Корпусы текстов впервые позволили слегка обойти указанный самим К. Г. Юнгом путь проявления коллективного бессознательного – непосредственный опыт восприятия врожденных возможностей, а именно – позволили его опосредовать: взглянуть на весь язык одновременно, и быть избавленными от необходимости какого-либо герменевтического толкования текстов.

Высчитать формулу архетипа – именно такую, без преувеличения, революционную идею – предложил сам себе человек, создав корпусы текстов. Неужели, наконец, удалось найти объек-

тивный метод исследования бессознательного? К сожалению, с утвердительным ответом не стоит торопиться.

Дело в том, что описанная методология не может обойтись без ещё одного элемента мышления человека, трудно поддающегося определению, – интуиции. Очевидно, что для того, чтобы «обнажить» манифестации определённого архетипа в языке, необходимо искать определённые слова: «главная предпосылка контент-анализа – это выяснение того, что считать; иными словами, определение единиц анализа» [4]. Иначе нельзя, ведь «от единиц контент-анализа чаще всего требуется некая субъективная, да к тому же ещё и зависящая от контекста значимость, делающая их распределение и динамику такого распределения диагностическими для выявления изменений в индивидуальном и общественном сознании, системах убеждений и т. д. – иными словами, единицы должны быть интересными для последующей (политологической, культурологической, социологической и т. д.) интерпретации» [4].

Относительная частотность единиц поможет указать на наличие/отсутствие и форму выражения архетипа. Но не напоминает ли эта ситуацию известную параболу про курицу и яйцо? Каков механизм, который порождает в мозгу исследователя эти самые слова для поиска?

Получается, прежде чем искать языковую реализацию архетипа в корпусе, исследователь уже произвел ту самую, заслуживающую недоверия, внутреннюю работу по восстановлению осознанной формы собственного восприятия коллективного бессознательного (его элементов – архетипов), и теперь лишь ищет подтверждения своим догадкам?

По-видимому, актуализация архетипа в виде слов (концептов) для статистического поиска в корпусе (для контент-анализа) происходит под действием интуиции. Интуиция – это одно из понятий, наиболее сложно поддающееся определению, но, как минимум, под ним обычно понимают одно из следующего: некая дорациональная способность (чувственная интуиция), сверхрациональный дар (чистая интуиция, интуиция сущности, мистическая интуиция) или разновидность

рассудка (интеллектуальная интуиция). Иными словами интуиция – это сверх-познание с помощью чувств, сверх-разума или обыкновенного, но чрезвычайно эффективного рассудка.

Что происходит, когда на пути к долгожданному объективному описанию архетипа возникает интуиция в качестве предопределяющего начала? На наш взгляд, происходит банальное наложение индивидуальной картины мира пользователя языка на сам объект анализа, что приводит к искажению результатов исследования артефактами, которые методологически сходны обнаруживаемым фрейдовскими методами травматическим артефактам подсознания.

Иными словами, располагая всеми предпосылками к подлинному извлечению проявлений коллективного бессознательного в виде архетипов, про-корпусный метод по-прежнему не вполне свободен от индивидуальных отпечатков языковых картин мира целого ряда людей: составителей корпусов текстов, контент-аналитиков и, наконец, самого потребителя результатов контент-анализа.

При этом корень проблемы представляется давно и хорошо обозначенным и исследованным: это – проблема значения в языке. Различные новые методы про-корпусного плана позволяют значительно усовершенствовать процедуры обработки внешней формы смыслов, однако не оказываются вполне способны освободиться от его логических, когнитивных, эмоциональных, социальных, дискурсивных и иных непредсказуемостей. Это происходит в той мере, в которой несвободна от них сама интуиция.

Возможно поэтому «ученых занимает главным образом выводное (*inferred*) знание, опосредованное, неполное, неточное и добытое тяжким, кропотливым трудом. Они склонны верить не в непосредственное постижение готовых идей и во внезапную самоочевидность, а скорее в более или менее быстрое воссоздание и стремительное фрагментарное умозаключение» [1, с. 13]. Пользуясь словами источника, фрагментарное умозаключение с помощью корпуса теперь воссоздаётся гораздо быстрее, а «растворённая» в нем интуиция, предшествующая математически воспроизводимой части анализа, практически не принимается во внимание.

Список литературы

1. Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1967. 188 с.
2. Лейбин В. М. Коллективное бессознательное // Энциклопедия социологии. URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия_социологии/Коллективное_бессознательное (дата обращения 04.05.2011).
3. Леонтьев А. А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст: структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 92–100.
4. Паршин М. Б. Контент-анализ // Онлайн Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KONTENT-ANALIZ.html?page=0,2 (дата обращения 04.05.2011).

Рукопись поступила в редакцию 24. 05. 2011.